— Я прокляну тебя!.. — бился Шэнь Эр в объятиях Гу Минчжоу.

Но ноги его совершенно не слушались, обратившись в разваренную лапшу: чем сильнее он пытался вырваться, тем глубже увязал в чужих руках и горячих объятиях.

На лбу Гу Минчжоу выступила испарина. Он и помыслить не мог, что потеряет бдительность из-за того, что Древнее Великое Зло Шэнь Эр окажется глуповатым кроликом. Разновидностей проклятий у тварей подобного уровня существовала великая масса, а чары демона столь чудовищной силы должны были отличаться особой беспощадностью и изощрённостью. Если бы не заклятье, разве ощутил бы он этот странный, дурманящий аромат?

Знать бы заранее — не поддался бы минутной слабости и сразу стёр бы Шэнь Эра с лица земли.

— Не дёргайся, — Гу Минчжоу попытался прижать к себе барахтающегося зверька, чьи лапки беспорядочно сучили по воздуху. В груди у него внезапно сладко и невыносимо зачесалось. Подавив раздражение, он чеканно выдохнул: — Говори, что за проклятие ты на меня наложил?

Шэнь Эр уже ничего не слышал. Уши его вспыхнули спелыми вишнями. Вцепившись мёртвой хваткой в плечи Гу Минчжоу, он впился зубами ему в шею:

— Сказать тебе?! За идиота меня держишь?!

На самом деле Шэнь Эр и сам понятия не имел ни о каких проклятиях — болтнул первое, что пришло в голову. Умей он сглаживать да проклинать, Гу Минчжоу за три века заточения уже давно развеялся бы прахом по ветру.

Тело горело огнём — и всё из-за того, что этот паршивец только что потискал его за пушистый хвост.

— Не хочешь по-хорошему? Что ж, тогда я церемониться не стану, — взгляд Гу Минчжоу потемнел. Он бесцеремонно сжал мягкий хвостик Шэнь Эра.

Шэнь Эра словно пронзило током от кончика хвоста до самых кончиков пальцев. Невыносимый, сладостный разряд мгновенно растекся по всему телу.

— Не надо!! — в отчаянии взвизгнул он.

Мир вокруг на миг ослепительно полыхнул белизной. Накрапывавший дождь мгновенно испарился, тучи на небесах рассеялись, и сквозь прорехи пролился чистый лунный свет. Казалось, во всей вселенной остались лишь они двое.

Собрав последние силы, Шэнь Эр вернул себе человеческий облик, отчаянно пытаясь

вырваться из когтей этого изверга.

Даже если сладить с ним не под силу, терпеть подобный позор он больше не намерен. Хватит притворяться — он прикончит Гу Минчжоу!

Сладкий, пьянящий аромат в воздухе становился всё гуще. Сердце Гу Минчжоу забилось как безумное — удар, ещё удар, ещё… Словно тысячи ядовитых муравьёв въедались в самую суть. Ощущение было настолько чётким и недвусмысленным, что сомневаться не приходилось: сила проклятия подминала его тело, а этот приторный запах служил тому неопровержимым доказательством.

Он ведь ничего толком не сделал, всего лишь сжал хвостик! Как, ну как он умудрился подцепить эту заразу?!

Он попытался подавить наваждение Мантрой Очищения Сердца, но против дурманящего благовония она оказалась бессильна. Охваченный жаром, Гу Минчжоу с мрачным видом воззвал к рассудку и, глубоко вдохнув, воззёрся на несносного кролика в своих объятиях.

— Скажешь или нет?

— Пошёл ты к чертям со своим предком! Сегодня я сам с тобой расправлюсь! — без колебаний выкрикнул Шэнь Эр и с размаху лягнул его.

Раздался сухой хруст. Правое запястье Гу Минчжоу, держащее меч, сломалось на месте.

Острая боль вонзилась в сустав, точно масло, вылитое в пылающий огонь. Длинный меч со звоном рухнул на землю, и последняя нить самоконтроля в голове Гу Минчжоу с треском лопнула.

На его лице вдруг промелькнула загадочная, жутковатая ухмылка. Не поведя и бровью, он одним движением вправил сустав, сгреб Шэнь Эра за белоснежную лодыжку и властно примял под себя:

— Прекрасно. Сегодня я лично научу тебя, как именно люди заводят детей.

Любишь клеветать? Любишь сыпать проклятиями?

Что ж, он принялся за эту игру всерьёз!

— Ты… ты что удумал?! — обомлел Шэнь Эр, ощутив недоброе.

Не успел он толком ничего понять, как Гу Минчжоу мёртвой хваткой вцепился в его тонкую талию и волоком потащил в глубь пещеры. Пальцы Шэнь Эра отчаянно скребли по земле, оставляя на грязи десять длинных борозд.

— Спасите! На помощь!

— Кто-нибудь, спасите своего Почтенного!..

***

Мелкий дождь то принимался капать, то затихал; частые звёзды то вспыхивали, то гасли.

После череды неистовых, не поддающихся описанию любовных утех обессиленные участники этого сражения — один человек и один кролик — наконец завершили затяжной бой.

В бульварных романах в подобных случаях одну из сторон полагается укатывать до полной потери сознания, чтобы очнулась она только засветло, когда обидчик уже испарится без следа. Это избавляет незнакомцев от жуткой неловкости, неизбежной после подобного грехопадения.

Увы, Шэнь Эр являлся Древним Великим Злом: он отличался не только повышенной устойчивостью к побоям, но и феноменальной выносливостью в постели.

Он не то что в обморок не упал — наоборот, лежал и хлопал глазами, переглядываясь с немного остывшим Гу Минчжоу.

В сумраке пещеры царила тишина. Сквозь лаз мягко проникали первые лучи утреннего солнца, освещая искусанные, усыпанные алыми отметинами плечи Шэнь Эра.

Аура убийственной ярости улетучилась без следа. Шэнь Эр сперва храбрился и даже умудрился переломать Гу Минчжоу запястье, но затем всю ночь напролёт плакал, визжал и молил о пощаде. Вернуть прежний величественный вид теперь не представлялось возможным.

Прошедшая ночь казалась кошмарным сном.

Его, великое Древнее Зло, едва не сожрали живьём!

В памяти всплывали непристойные, стыдные картины. Превозмогая дрожь в подгибающихся ногах, Шэнь Эр кое-как поднялся и столкнулся со зловещим, тяжёлым взглядом Бессмертного почтенного.

Гу Минчжоу! Это всё из-за него!

Глядя на наливающиеся гневом, красные глаза кролика, Гу Минчжоу ощутил нечто похожее на уколы совести. Вначале им действительно двигал слепой гнев: раз уж его оговорили да ещё и прокляли, можно не думать об устоях и морали, а просто преподать твари хороший урок.

Однако во второй половине ночи проклятие практически развеялось, и давать проучивание больше не имело смысла. И всё же он не выпустил Шэнь Эра из рук — точно во хмелю, с наслаждением увлекая демона в новые и новые круги порока.

Как-никак, первый опыт, а Шэнь Эр к тому же оказался невероятно хорош собой — вот Гу Минчжоу и не сдержался.

Потерев висок, Гу Минчжоу глухо произнёс:

— Вчера…

Закончить он не успел — прямо в лицо ему прилетел стремительный выпад кроличьей ноги.

Не успевший встать в блок Гу Минчжоу тут же обзавёлся распухшей ссадиной на губе. Сглотнув досаду, он попытался снова:

— Я…

Но не успел проронить ни слова, как следом прилетел сокрушительный кроличий хук справа, разбивший ему вторую половину губы.

— Тсс…

Получив сперва пинок, а затем и удар кулаком, Гу Минчжоу внезапно прозрел: все его несчастья происходили исключительно от собственной излишней мягкосердечности!

Он явился сюда, чтобы запечатать Великое Зло, а не прислуживать этой капризной особе.

Сгребя за шиворот кролика, отчаянно кутающегося в его распахнутый халат, Гу Минчжоу сухо процедил:

— Что ж, видать, разумнее будет сперва упрятать тебя под печать.

Услышав это, Шэнь Эр мёртвой хваткой вцепился в его отворот и, заходясь от ярости, заорал прямо в ухо Гу Минчжоу:

— Да есть у тебя хоть капля совести?!

Его всю ночь без передыху пользовали, мяли и переставляли с места на место!

— Разумеется, есть, — Гу Минчжоу выгнул бровь. — Премного благодарен за вчерашнее гостеприимство. Выбирай, какую печать тебе уготовить, с радостью исполню любое пожелание.

Шэнь Эр уставился на него с немым диким ужасом, словно не верил, что подобные бесстыдные слова способен произнести праведный заклинатель.

Спустя мгновение он бессильно опустился на землю, точно окончательно смирившись с судьбой:

— Делай что хочешь. Всяко мне за всю жизнь не покинуть гору Фуфэн. Жаль только ребёночка моего… Он ещё и на свет не появился, а уже обречён гнить со мной в этой беспросветной дыре.

Гу Минчжоу на мгновение замер.

«И что это за новая драма?»

Актёрское мастерство, надо сказать, оставляет желать лучшего.

Не убивать Шэнь Эра — и без того предел его снисхождения. Изначально он вообще планировал покончить с ним раз и навсегда: обновлять печать каждые сто лет — сплошная головная боль, проще избавиться от демона одним ударом.

Однако после того, как он позарился на тело Сумина, поднять на него руку стало бы верхом низости. Оставалось только запечатать заново.

— Считай это драмой, если ума не хватает, — горько всхлипнул Шэнь Эр. Подняв с земли свои одежды, он стал неторопливо натягивать слой за слоем, затем аккуратно разгладил растрёпанные пряди и тихо прошептал: — Накладывай свою печать. Но если в тебе осталась хоть капля жалости, мне с дитём многого не надо… Вынашивать его целых десять месяцев. Приноси нам хоть немного еды раз в месяц, и ладно.

Гу Минчжоу промолчал.

На какую-то долю секунды он и впрямь почувствовал себя негодяем, бросившим жену с ребёнком. Просто верх абсурда!

— Пусть даже обноски да помои, лишь бы не сдохнуть от голода. Ради дитяти я вытерплю всё, — Шэнь Эр смахнул слезинку с уголка глаза. — А про вчерашнее… сделаем вид, будто ничего не было. Ты отец моего ребёнка, и спорить толку нет. Я не таю обиды. Хочешь ненавидеть меня

— ненавидь, но дитя наше не трогай.

Гу Минчжоу не нашёлся, что ответить.

Шэнь Эр медленно склонил голову. Подол его верхнего платья слегка сполз, обнажая ослепительно белую шею, выгнутую словно для плахи — если бы не эти пестреющие на кожице алые отметины, напоминавшие о вчерашнем грехе.

— Давай же, запечатай меня. Пусть я усну здесь навеки.

Гу Минчжоу лишился дара речи.

Взирая на багровые пятна у него на шее и вспоминая тихие, сбивчивые мольбы о пощаде, звучавшие всю ночь над ухом, Гу Минчжоу сглотнул. Взгляд его потемнел.

— Так сильно не хочешь оставаться здесь?

Шэнь Эр закивал так часто, что едва не сломал шею:

— Да-да-да!

Его поспешность вызвала у Гу Минчжоу тихий смешок. Слегка усмехнувшись, он негромко произнёс:

— Ползи сюда и умоляй.

Шэнь Эр обомлел.

У кроликов тоже есть гордость! Его до утра пользовали во все щели, а теперь он ещё и умолять должен?! Где справедливость?!

— Не хочешь — как хочешь. Сиди в заточении. Меч, ко мне!

Завидев, как ледяной клинок со свистом спланировал прямо в ладонь Гу Минчжоу, Шэнь Эр мгновенно подогнул колени, вцепился в его ногу и, с трудом сдерживая готовые брызнуть слёзы, жалобно пролепетал:

— Умоляю тебя…

После безумной ночи голос его окончательно осел и охрип, а сиротливая красивая мордашка

выражала крайнюю степень уязвимости и обиды.

Глядя на него, Гу Минчжоу вновь почувствовал, как сладко и тревожно защемило в груди. Протянув руку, он ласково провёл пальцами по шелковистым чёрным волосам и с тихим смешком заметил:

— Да я пошутил. Куда делась твоя спесь?

И это — Древнее Великое Зло? Единственный раз, когда оно попыталось показать зубы — после того как его потискали за хвост. Да и продержался он от силы пару минут. Любой рядовой монстр, встречавшийся Гу Минчжоу раньше, проявил бы больше стойкости! А этот сдался при первой же угрозе.

Впрочем, весьма забавно.

Гу Минчжоу помедлил, а затем наклонился ниже. В его глазах полыхнул огонёк холодного, завораживающего азарта.

— Признавайся, что за проклятие ты на меня наложил?

Ощутив смертельное оскорбление, Шэнь Эр гневно и отчаянно воскликнул:

— Да какое ещё проклятие?! Я ляпнул не думая! Не хочешь забирать меня отсюда — так и скажи, лучше прикончи прямо сейчас!

Внимательно изучив выражение лица Шэнь Эра, Гу Минчжоу замешкался. Загнанный кролик явно не врал. Прочитав горы древних фолиантов за годы самосовершенствования, Гу Минчжоу никогда не слышал о проклятии, способном вызвать подобную неукротимую страсть.

Чертовщина какая-то.

Шэнь Эр с полной уверенностью заявлял, будто понес от него. Хотя Гу Минчжоу в это ни капли не верил, рисковать не стоило: физиология древних тварей отличается от людской, и если тот и впрямь умудрится родить от него дитя, исправлять что-либо будет поздно.

И вторая причина: ему необходимо докопаться до истины и узнать, что за дурман наслал на него Сумин. Если не раскрыть тайну этого наваждения, где гарантия, что в будущем под действием той же заразы он не сотворит нечто подобное с кем-то другим?

— Что ж, раз так, поступим следующим образом, — спокойным, ровным тоном проговорил Гу Минчжоу.

Он неторопливо убрал меч в ножны на поясе, после чего протянул руку и прохладными пальцами ласково погладил Шэнь Эра по загривку. Улыбка на его губах не предвещала ничего хорошего:

— Я останусь здесь с тобой на десять месяцев. Но… если через десять месяцев никакого ребёнка ты не родишь, тебе конец.

Шэнь Эр опешил.

Кто просил тебя оставаться?!

Выпусти меня наружу, ирод!!!

http://bllate.org/book/20310/2106196